

Обучение кулинарному искусству, разумеется, началось с самых азов. У Янь Цуна не было никакой систематической базы, поэтому Янь Цзянь первым делом составил для него подробный план занятий. Главным условием наставник поставил то, что мальчик ни в коем случае не должен задвигать школьную учебу. На кулинарную практику выделялось по два часа в день, однако, приходя в дом семьи Янь, Янь Цун первым делом послушно отправлялся в кабинет — делать уроки.

Первые пару дней все шло гладко. Янь Сян возвращался домой поздно: его успеваемость оставляла желать лучшего, и раздосадованный Янь Цзянь записал сына сразу на несколько дополнительных курсов. Занятия там проходили не каждый день, да и расписание постоянно менялось. На третий день, когда Янь Цун доехал до особняка на автобусе, он столкнулся у ворот с Янь Сяном, который как раз выходил из семейного автомобиля.

подавив внутреннее отвращение, Янь Цун вежливо поздоровался. Но Янь Сян посмотрел на него с нескрываемым презрением. В таком возрасте скрывать свою скверную натуру ему было еще трудно, несмотря на все эгоистичные расчеты. Он даже не удостоил Янь Цуна ответом и молча прошел мимо.

Стоявший рядом водитель, дядюшка Ли, смутился и неловко зашептал, пытаясь сгладить неловкость:

— Сяо Цун, ты только не обижайся на него. У него просто характер такой, он не со зла.

Уж кому-чему, а Янь Цуну было прекрасно известно, что у Янь Сяна на уме. Прожив с ним бок о бок больше десяти лет в прошлой жизни, он досконально изучил эту гнилую душу. Разница была лишь в том, что тогда Янь Цун вошел в семью Янь при других обстоятельствах. Поначалу он всеми силами сдерживал себя, держась как робкий проситель. Теперь же он стал учеником отца — возможно, единственным преемником, которому суждено унаследовать великое семейное ремесло. Естественно, у такого эгоиста, как Янь Сян, это вызывало лишь глухое, яростное отторжение.

В гостиной мальчиков уже ждала Хэ Юйвэнь. В ее глазах и родной сын, и новоиспеченный ученик были замечательными детьми, заслуживающими равного тепла и заботы. Однако Янь Сян едва сдерживал бушевавший внутри гнев. Надолго его притворства не хватило. Когда мать мягко предложила ему обращаться к Янь Цуну, если возникнут трудности с домашним заданием, он окончательно сорвался:

— С какой стати мне у него спрашивать?! Да кто он вообще такой, чтобы я у него учился?!

Янь Цун мысленно закатил глаза, но внешне лишь испуганно сжался, его веки припухли, а в глазах заблестели слезы.

Хэ Юйвэнь не шутку рассердилась:

— А ну извинись перед Сяо Цуном! Как можно быть настолько невоспитанным?!

Янь Сян, яростно топая, взлетел по лестнице и с грохотом захлопнул за собой дверь своей комнаты.

Хэ Юйвэнь тут же притянула Янь Цуна к себе и ласково погладила по голове:

— Сяо Сян поступил очень дурно. Ты имеешь полное право злиться на него. Но, пожалуйста, не принимай это близко к сердцу. Твоей вины здесь нет.

Материнская нежность была для Янь Цуна чем-то совершенно невероятным. Впервые в жизни он ощутил, что его защищают и любят просто так, на равных со всеми. Притворные слезы тут же сменились настоящими, душившими его изнутри.

— Неужели... неужели я такой плохой? Почему... почему меня никто не любит? — всхлипнул он.

У Хэ Юйвэнь болезненно сжалось сердце от жалости к этому хрупкому мальчику.

— Глупый мой ребенок, ну что ты такое говоришь? Мы все очень любим тебя.

Янь Цун размазывал слезы по лицу:

— Но старший брат тоже меня ненавидит... Меня вообще никто не любит.

Хэ Юйвэнь крепко обняла Янь Цуна, баюкая его и нежно похлопывая по спине:

— Глупыш, невозможно нравиться абсолютно всем на свете. Главное — жить в радость ради себя и тех, кто тебя по-настоящему ценит. Посмотри вокруг. Я, твой наставник, дедушка Янь, тетюшка Ван — мы все души в тебе не чаем. Твои учителя, одноклассники, друзья, люди, которым ты помогал... Мы все на твоей стороне.

Янь Цун разрыдался еще сильнее. В этот момент он совсем забыл, что изначально просто играл роль. Впервые за две жизни он по-настоящему грелся в теплых материнских объятиях. Вся боль прошлой жизни, унижения, обиды и пугающая неизвестность будущего навалились на него разом. Эмоциональное напряжение оказалось слишком сильным, в глазах у мальчика потемнело, и он потерял сознание.

Проводив семейного доктора, Ван Синьмяо вернулась в гостевую спальню. Хэ Юйвэнь тихо

сидела на краю постели, не сводя обеспокоенного взгляда с бледного лица спящего Янь Цуна. В комнате царил мягкий полумрак.

Ван Синьмяо подошла ближе и негромко произнесла:

— Я позвонила И Сыцзя и предупредила, что Сяо Цун сегодня останется у нас. Ступайте отдыхать, дорогая, я сама за ним присмотрю.

Хэ Юйвэнь не хотелось уходить, но она все же поднялась и вышла вместе с помощницей в коридор.

— Господи, сколько же несправедливости пришлось вытерпеть этому бедному ребенку в собственной семье? — тихо вздохнула хозяйка дома.

Несмотря на настороженное отношение к И Сыцзя, Ван Синьмяо успела искренне привязаться к Янь Цуну, поэтому в ее голосе прозвучало искреннее сочувствие:

— Я тут побеседовала с репортером Цзинь и кое-что разузнала про его жизнь в семье Цзянь. Его старший брат — суший кошмар. Постоянные драки, приводы в полицию из-за азартных игр... Разве в таком доме к Сяо Цуну могли относиться по-человечески? Говорят, этот оболтус отбирал у него все карманные деньги до единой копейки. Мальчик наскреб последние двести юаней, чтобы купить вам с мужем подарки на церемонию посвящения. Сердце разрывается, когда думаешь об этом.

— Но И Сыцзя ведь производит впечатление любящей матери. Она так опекает его...

— Опекать можно по-разному, — покачала головой Ван Синьмяо. — Если бы она действительно дорожила сыном, разве ввела бы ему этот модифицирующий препарат в столь нежном возрасте, даже не спросив его мнения? Да, он рос слабым, и генетическое зелье помогло укрепить здоровье, но неужели она не понимала, к каким последствиям это приведет? Лишить мальчика возможности в будущем жениться на женщине, насильно предопределить его судьбу... Разве любящая мать способна на такое?

Хэ Юйвэнь потрясенно замерла:

— Что? Сяо Цуну ввели препарат?!

Ван Синьмяо кивнула:

— Да. Сяо Цун сам обмолвился об этом во время интервью с Цзинь Си. Мальчик он сообразительный, но против опытного журналиста устоять не смог.

Лицо Хэ Юйвэнь залила краска гнева:

— Какое бесстыдство! Как можно было так поступить с несовершеннолетним ребенком, у которого организм еще даже не сформировался?! Неудивительно, что он чувствует себя таким брошенным и несчастным. Сяо Цун ведь очень умен, он все понимает! Просто ему не к кому было пойти со своей бедой... Нет, я должна лично спросить И Сыцзя, о чем она вообще думала!

Ван Синьмяо поспешно удержала ее за руку:

— Пожалуйста, не нужно. Если вы начнете выяснять отношения, мальчику в семье Цзянь житья не дадут. К счастью, теперь он ученик господина Яня, считай, наполовину наш сын. С вашей поддержкой и покровительством старейшины Яня мы сможем чаще оставлять его здесь. Пусть живет у нас под благовидным предлогом учебы. К тому же И Сыцзя работает у нас в доме, они и так будут видеться каждый день, зато с этим непутевым братцем он станет пересекаться гораздо реже.

Хэ Юйвэнь немного успокоилась, признавая правоту помощницы:

— Твоя правда. С завтрашнего дня обустроим для него постоянную комнату. Нечего ему уютиться в гостевой, это никуда не годится.

Янь Цун пришел в себя поздно ночью. В тусклом, теплом свете ночника он увидел Ван Синьмяо, которая мирно дремала в кресле. Приподнявшись на постели, мальчик заметил, что одет в просторную домашнюю футболку — судя по размеру, она принадлежала его отцу, Янь Цзяню. От этой мысли на его губах появилась слабая, но искренняя улыбка.

Шорох разбудил Ван Синьмяо. Увидев, что Янь Цун проснулся и смущенно разглядывает огромные рукава, она мягко улыбнулась:

— Это вещи хозяина, твои сейчас в стирке. Проголодался? Давай я принесу чего-нибудь перекусить.

Янь Цун покачал головой:

— Нет, спасибо, тетушка Ван, я не голоден. Простите, что доставил вам столько хлопот. Сам не знаю, как так вышло... просто заснул.

Ван Синьмяо со вздохом пересела на край кровати:

— Глупыш, ты не просто уснул, ты в обморок упал. Расскажи мне, почему ты так горько

плакал? Обещаю, это останется между нами. Я ничего не скажу твоей маме.

В глазах Янь Цуна снова заблестели слезы. Он отвел взгляд:

— Все в порядке... Правда, ничего страшного.

— Я понимаю, что тебе трудно мне довериться, — мягко произнесла Ван Синьмяо, погладив его по плечу. — Но не держи все в себе. Ты теперь официальный ученик господина Яня и Юйвэнь. Церемония прошла по всем правилам, предкам поклонились, так что ты теперь полноправный член нашей семьи. Как говорится, наставник — тот же отец. Случись что, они всегда за тебя заступятся.

«Да... Ведь они и есть мои настоящие родители. И предки, которым я кланялся, — мои кровные предки», — подумал Янь Цун. Вслух же он тихо произнес:

— Наверное... просто я слишком ранимый. Чем лучше ко мне относятся наставник и госпожа Хэ, тем сильнее злится мой брат. Но... я ведь не хотел этого укола. Мечтал, как все мальчишки, пойти в армию или поступить в академию полиции. А теперь все... этот путь для меня закрыт.

Ван Синьмяо сочувственно вздохнула:

— Тебе нужно было отказаться.

«Как я мог отказаться? В прошлой жизни я свято верил, что мать делает это ради моего блага, и даже не думал сопротивляться. А в этой жизни все уже было решено до моего возвращения», — горько подумал Янь Цун.

— Я... просто испугался, — прошептал он. — Боялся, что если буду постоянно болеть, то разорю семью на лекарствах и врачах. Я очень не хотел, чтобы от меня отказались.

Ван Синьмяо возмущенно приподняла брови:

— Кто тебе наговорил таких глупостей?!

Янь Цун опустил голову и тихо добавил:

— Брат часто об этом твердил... На самом деле я многое понимаю. Просто делаю вид, что ничего не замечаю. Ведь если бы я признался себе во всем, то разучился бы улыбаться.

У Ван Синьмяо сжалось горло от жалости к этому не по годам взрослому ребенку. Она ласково погладила его по волосам:

— Забудь его слова. Никто тебя больше не обидит, а если этот негодяй посмеет хоть пальцем тебя тронуть — сразу говори нам. Мы быстро призовем его к порядку.

Янь Цун поднял на нее полные надежды глаза:

— Тетушка Ван, а если я совершу какую-нибудь ошибку, наставник и госпожа Хэ не прогонят меня?

— Ну что за глупости! Как можно прогнать собственного ученика? Они души в тебе не чают и с радостью оставили бы тебя жить здесь насовсем.

От этих слов на душе у Янь Цуна стало тепло и спокойно, но он тут же снова погрустнел:

— Так нельзя. Из-за этого Янь Сян станет ненавидеть меня еще сильнее. К тому же у меня есть своя семья, я должен возвращаться домой.

— Пока учебы не так много, можешь возвращаться. Но когда начнется серьезная кулинарная практика, тебе все равно придется часто оставаться у нас. Впрочем, об этом подумаем позже. Твоей маме я уже позвонила, так что сегодня спи спокойно. В ванной для тебя приготовлены новые щетка и полотенце, умывайся и спускайся в столовую. А после ужина нужно будет выпить лекарство, которое прописал врач. Не переживай, оно сладенькое, с фруктовым вкусом.

После умывания Янь Цун спустился на первый этаж. В этот момент домой как раз вернулся Янь Цзянь. Заметив мальчика, он обеспокоенно спросил:

— Ну как ты, Сяо Цун? Как себя чувствуешь?

Жена уже успела обо всем рассказать ему по телефону. Янь Цзянь твердо решил, что как наставник обязан защитить своего ученика, и намерен был досконально во всем разобраться.

Янь Цун забавно похлопал себя по груди:

— Да я совершенно здоров! Силен как бык!

Янь Цзянь тепло рассмеялся и ласково взъерошил ему волосы:

— Если тебя что-то тревожит, обязательно делись со мной, договорились?

— Да, наставник, я понял. Я ведь уже взрослый, настоящий мужчина! Больше не буду плакать из-за всяких глупостей.

— Мужчины тоже имеют право на слезы, Сяо Цун. Не слушай глупцов, которые утверждают обратное. Ты ужинал? Давай поедим вместе.

— Я только проснулся и еще ничего не ел. Тетушка Ван сказала, что мне сначала нужно принять лекарство.

— Раз доктор прописал, обязательно выпей. Раз уж ты упал в обморок, организму требуются силы. Ты должен усвоить золотое правило нашей профессии: пища и лекарство исходят из одного источника. Со временем я подробно обучу тебя искусству целебной кулинарии, так что настраивайся на серьезную работу.

Они прошли в столовую и уселись за стол. Ван Синьмяо тут же принесла для Янь Цуна тарелку ароматной теплой каши, а повар, узнав, что хозяин тоже голоден, быстро приготовил несколько легких закусок.

Янь Цун аккуратно воспользовался общими палочками, чтобы положить немного еды в тарелку Янь Цзяня, и только после этого вежливо принялся за свою порцию. При этом он тянулся в основном к овощам, почти не прикасаясь к мясу — полная противоположность Янь Сяну, который признавал только мясные блюда.

Янь Цзянь прекрасно помнил, с каким аппетитом мальчик ел мясо, когда его угощала Хэ Юйвэнь. То, что сейчас он сознательно избегал его, явно было старой домашней привычкой. Вспомнив слова жены о том, как ущемляли Янь Цуна в семье Цзянь, наставник почувствовал, как у него болезненно сжалось сердце. Он молча положил несколько сочных кусочков мяса в тарелку ученика:

— Тебе нужно хорошо питаться, ты ведь еще растешь. Настоящий повар обязан ценить любой вкус и не быть разборчивым в еде.

Янь Цун довольно прищурился и с набитым ртом согласно закивал:

— Угу, я по-о-нял!

Ван Синьмяо с улыбкой протянула ему салфетку:

— Посмотри на себя, все щеки испачкал. Ну-ка вытри.

Мальчик густо покраснел и вежливо поклонился:

— Спасибо, тетушка Ван. Простите за мою неаккуратность.

Ван Синьмяо мысленно усмехнулась: «Если уж это неаккуратность, то манеры нашего Янь

Сяна — просто верх свинства».

В этот момент из спальни спустилась Хэ Юйвэнь. Увидев мужа и ученика за ужином, она улыбнулась и присела рядом:

— Пожалуй, я бы тоже немного перекусила. Уж очень аппетитно пахнет каша Сяо Цуна. Синьмяо, положи мне полтарелочки, если осталось.

— Разумеется, сейчас принесу, — отозвалась Ван Синьмяо.

Хэ Юйвэнь мягко посмотрела на мальчика:

— Пока ты спал, я себе места не находила от беспокойства. Как твоя голова, Сяо Цун? Больше не кружится?

— Все хорошо, госпожа Хэ! Спасибо вам за заботу! — искренне ответил Янь Цун.

В это время на галерее второго этажа стоял Янь Сян. Наблюдая за тем, как эти трое тепло общаются и ужинают вместе, словно настоящая дружная семья, он чувствовал, как внутри него разгорается яростное пламя зависти.

«Ну ничего, — злобно подумал он. — Кажется, мне пора действовать решительнее. Если я заставлю этого нищегорода беспрекословно мне подчиняться, то никто больше не посмеет претендовать на то, что принадлежит мне по праву!»

<http://bllate.org/book/20137/2166926>